

Reflection paper on Minge, Zimmerman (2008)

Алексей 'Alexa Tim' Тимошенко

22 января 2016 г.

Аннотация

Данное эссе *было* призвано дать ответ на вопрос: каким образом статья 'Power, Pleasure, and Play: Screwing the Dildo and Rescripting Sexual Violence'¹ Минг и Циммерман повлияла на мое восприятие качественных методов социологического исследования. Как выяснилось, чтение и работа над текстом существенно скорректировали первоначальные планы, поэтому в итоге было принято решение сконструировать аналог исходной статьи, построив собственное аутоэтнографическое исследование.

Как и в случае с оригинальной работой, в моем тексте есть описания, которые могут быть сочтены непристойными. Людей, которым неприятно читать описания откровенно сексуальных сцен, упоминания насилия и бранные слова, прошу прерваться на этом месте.

1 Москва, 2013

Превращенная в кабинет психотерапевта квартира на пятом этаже панельной пятиэтажки. Я сижу в кресле и пытаюсь понять – стоит ли вообще про это говорить. Я буквально за пару месяцев до этого дня писал статью, посвященную образованию ложной памяти у мышей и готовил материал о ложной памяти у людей, по материалам грандиозного скандала 1980-х годов, дела satanic child abuse² в США. Я знаю о том, что память о сексуальном насилии, особенно проявившаяся при психотерапии, часто бывает ненастоящей³. С другой стороны, если ничего тогда не было, то откуда страх перед возможной насильственной госпитализацией и еще куча эффектов, о которых я помнил и раньше? Я собираюсь с силами и делюсь своими подозрениями.

Терапевт смотрит на меня и говорит, что моя память может говорить правду. Что сейчас, конечно, уже не установить истину и тем более не наказать виновных, но это действительно могло быть. Я действительно мог пережить сексуальное насилие или, по крайней мере, столкнуться с чем-то таким, что оказало на меня сопоставимый эффект.

¹Power, Pleasure, and Play: Screwing the Dildo and Rescripting Sexual Violence, Jeanine Minge, Amber Lynn Zimmerman. *Qualitative Inquiry* 15 2 (2009) pp. 329-349

²Серия судебных процессов в США. Самый известный - The McMartin Preschool Abuse Trials (1987-90).

³Данные противоречивы. См. Crisis or Creation: A systematic examination of false memory claims, Dallam, S. *Journal of Child Sexual Abuse* 9 (2002): 9-36

2 Разбирая сексуальность

В возрасте трех лет я попал на две недели в психиатрическую больницу для обследования, поскольку у меня заподозрили задержку речевого развития; обрывки воспоминаний и не проходившие до курса психотерапии страхи перед изнасилованием позволяют предположить, что я пережил там сексуальное насилие. Потом в психиатрической клинике оказалась моя мать – с диагнозом, который я до сих пор не понимаю, поскольку я его слышал в формулировке «пограничное расстройство». Спустя полгода на меня опрокинулся самовар с кипятком и я попал уже в ожоговый центр, где провел еще месяц – впрочем, туда хотя бы пустили родителей; после моего возвращения мама снова легла в клинику.

Примерно в пять лет у меня появились фантазии о связывании и подчинении, тогда же я научился мастурбировать. В семь я представил(а) себя беременной и подумала о том, что хочу быть андрогином, с двойным комплектом гениталий. Но тогда мне уже хватило опыта на то, чтобы прятать такие мысли от всех окружающих.

Мой путь потом от выпускника/цы физфака до гендерных исследований оказался путем не столько научным, сколько личным. Это явило серьезную методологическую проблему, поскольку я шел с большим личным багажом и смотрел на те или иные проблемы через линзы своего опыта. Передо мной стоял вопрос: если я гендерквир с травматическим опытом и нетипичной сексуальностью, имею ли я вообще шансы исследовать ту же нетипичную сексуальность или любой иной гендерный феномен? Если да, то каким образом?

В настоящей работе я расскажу о том, как теоретические концепции, почерпнутые из феминистских текстов и обсуждаемой статьи, позволили мне переосмыслить собственный опыт. Также я попытаюсь сочетать личный опыт с теми идеями, которые были выдвинуты задолго до меня относительно тех же явлений: в частности, я буду говорить про пенетративный секс и переосмысление пенетрации путем использования секс-игрушек.

3 Методологическое замечание

Как несложно видеть, этот текст построен по образу и подобию работы Минг и Циммерман: я предполагаю, что мне удалось достаточно близко скопировать, чтобы ответить самой формой и содержанием на вопрос об использованной авторками методике. Поясню лишь термин *bricolage* – в русских текстах он встречался мне в разных значениях, поэтому надо еще уточнить, что сама Минг имела в виду переосмысление и переопределение различных понятий с выносом их за пределы доминирующей культуры⁴.

Также необходимо отметить, что проблематика пенетрации рассматривалась Минг в контексте лесбийских дебатов о приемлемых с феминистской точки зрения сексуальных практиках, дебатов, которые обозначаются как *lesbian sex wars*. Кроме того, она опиралась на идеи Донны Харауэй о постгендерном теле: идеи, развитые впоследствии Жан Хамминг; мне в глаза

⁴дословная цитата: “the processes by which elements are appropriated from the dominant culture, and their meaning transformed... to challenge and subvert that culture” (Edgar & Sedgwick, 1999, p. 48)

бросилось то, что все это продукты феминистского дискурса и осмысления в первую очередь женского опыта.

Это ставит интересную, как мне представляется, задачу – попытаться перенести опыт Минг и использованные ей концепции на мужское тело с его спецификой. Прочитав 'Power, Pleasure, and Play' я задался таким вопросом: если она пишет про активное исследование своего опыта для преодоления своей травмы и если попутно достигается лучшее понимание социальной ситуации, то может ли этот опыт быть воспроизведен?

Такое воспроизведение представилось интересным по двум причинам. Первая – очевидно личная, поскольку я так и не завершил свою терапию, причем не завершил ее в силу некоторых политических и социальных причин (о которых речь пойдет ниже). Вторая – я вырос и сформировал свою личность в естественнонаучной среде и поэтому мне кажется важным придерживаться научного подхода даже далеко за пределами привычной сферы точных наук. Если Жанин Минг описывает некоторый способ думать, показывает связь этого способа думать с другими идеями и своим телом, если этот способ думать может быть перенесен и воспроизведен, то мы вправе говорить о науке. В моем первом дипломе написано «специалист по биохимической физике», темой моей дипломной работы была реконсолидация памяти, поэтому я не просто читаю статью Минг и Циммерман. Я ставлю *эксперимент*.

3.1 В контексте дипломной работы

Цель моей работы – описать распространение пеггинга как сексуальной практики и, что более важно, показать возможные причины этого распространения. И если динамика распространения может быть достаточно хорошо реконструирована на основе количественных методов (например, мы видим что ни в одной из новых заметок русскоязычных СМИ слово «страпон» не поясняется: предполагается, что оно всем и так знакомо), то вот причины выявляются скорее качественными методами. В настоящий момент большой расчет делается на глубинные интервью и анализ текстов, однако предварительный поиск показывает, что некоторые вопросы могут быть скрыты и от глубинного интервью – в частности, тема пережитого мужчинами сексуального насилия и их практики пеггинга как возможной стратегии переосмысления травматического опыта. Имея схожий, хотя и не идентичный, опыт я могу предполагать, что описанное ниже может пригодиться для восстановления полной картины.

4 История памяти

Реконсолидация памяти – это центральная тема моей прошлой работы и, парадоксальным образом, центральная же тема проделанного Жанин Минг. Консолидацией памяти называют переход ее из краткосрочной в долговременную форму, а реконсолидацией называют процесс, который запускается при активации памяти и который приводит к тому, что после воспоминания память снова «перепаковывается» в долговременном хранилище.

Экспериментально показано, что нарушив процесс консолидации памяти можно заблокировать запоминание в целом. Активировав память и затем

нарушив процесс реконсолидации можно если не стереть, то значительно ослабить память: эти эффекты связаны с молекулярными каскадами в клетках головного мозга⁵. В случае с мышами на реконсолидацию памяти можно повлиять блокированием определенных процессов (например, подавив синтез белков, кодируемых т.н. «ранними генами»⁶), а в случае с человеком на закрепление памяти возможно влиять за счет наложения сторонних психических процессов – например, игра в цветной тетрис⁷ может быть использована для борьбы с посттравматическим стрессовым расстройством.

Феномен реконсолидации также объясняет формирование ложных воспоминаний и ретравматизацию. К 2007 году я вместе с дипломом получил, в принципе, достаточно знаний для пересборки своего опыта – однако тут следует перейти от нейробиологии к социологии.

5 Через плоть

5.1 Право на личное

В 1990 или 1991 году моя мать ходила на «курсы экстрасенсов». В какой-то момент она сказала, что училась читать мысли и я спросил, может ли она теперь узнать, что я делаю не глядя, телепатически. Она ответила утвердительно и этот ответ имел далеко идущие последствия. Я стал панически бояться, что теперь мои родители узнают о том, что я трогаю себя и о том, что я фантазирую на тему связывания. Я мысленно говорил про себя с мамой, прося ее хотя бы предупреждать о телепатическом наблюдении – и в моей голове она отвечала, говоря что я увижу перед этим бабочек на потолке. Естественно, этот знак появлялся в любой неудобный момент, включая не только мастурбацию, но и попытку, например, избавиться от невыполненного домашнего задания путем сбрасывания листка в щель между кроватью и стеной.

Потом я придумал магическую защиту, которая должна была вместо меня подсовывать ложный сигнал. Выставив ее, можно было залезть под одеяло, на всякий случай вслушаться в ночь и представить себя связанным. Связывали меня всегда мои воображаемые друзья и это всегда было приятно, я представлял как меня фиксируют и потом трогают - спину, живот, гениталии и бедра. В своем убежище я был счастлив, но потом каждый раз испытывал стыд.

В 1993 или 1994 году я случайно услышал в каком-то фильме реплику женщины после секса, "Боже, хорошо-то как!". Для меня это было потрясением и вечером, трогая себя под одеялом, я плакал от счастья - потому что кто-то где-то сказал, что секс это хорошо и что удовольствие от своего тела - это хорошо. Я трогал себя с благодарностью, ласкал свое тело

⁵если говорить о характерном времени от часов до суток. Полностью процесс консолидации занимает до нескольких недель и включает в себя также появление новых клеток, нейрогенез, с последующим их, клеток, отбором.

⁶обзорная статья: Memory engram storage and retrieval. Susumu Tonegawa et al., *Current Opinion in Neurobiology*, 2015. doi:10.1016/j.conb.2015.07.009

⁷в 2009 году было показано, что цветной тетрис может подавить формирование травмирующих воспоминаний; в 2015 показали и эффективность игры в отношении уже сформированных воспоминаний: Computer Game Play Reduces Intrusive Memories of Experimental Trauma via Reconsolidation-Update Mechanisms. Ella L. James et al., *Psychological Science*, 2015. doi: 10.1177/0956797615583071

и первый раз почувствовал себя свободным. Свободным и имеющим право наслаждаться собой.

Личное – это политическое. The Personal Is Political Кэрол Ханиш я прочел только в 2015 году, уже изучая курс теории феминизма. Мой личный опыт, о котором до сегодняшнего дня даже отсутствовала информация вне моего мозга, стал возможным только благодаря снятию цензуры на постсоветском пространстве. Вероятно, не услышь я тогда той фразы, моя жизнь могла бы сложиться совсем иначе: задним числом я понимаю, что лишь ма-стурбация спасла меня от куда как более серьезных проблем.

5.2 Личное и политическое

Обсуждая с женой мою депрессию – перед отъездом из России в Вильнюс я полгода принимал лекарства, назначенные врачом-психиатром – мы пришли к выводу о том, что мне следовало бы закончить курс психотерапии, начатый осенью 2013 года. Однако тут снова вмешалась политика: моя терапевтка⁸ в определенный момент предупредила, что не может больше находиться в стране и нормально работать. Она уехала после российской аннексии Крыма весной 2014-го и только спустя полгода возобновила консультации по скайпу. К этому моменту падение российского рубля сделало терапию слишком дорогой.

Когда Ханиш пишет, что терапия не решает всех проблем, она, как мне кажется, упускает главное. Доступность терапии сама по себе есть следствие социальных и политических условий. В 2014 из страны уехало как минимум двое терапевтов, которых я регулярно читал: Ольга Подольская и Андриана Имж; у людей стало меньше денег на оплату консультаций; в советские же годы частная психотерапия вообще отсутствовала, большая часть школ была неизвестна, а психиатрия прославилась преследованием диссидентов и диагнозом «вялотекущая шизофрения».

Американские женщины среднего класса, о которых писала Бетти Фридан в «Загадке женственности» (Friedan, 1963) могли требовать доступа к профессиональной и политической сфере. Советские женщины того же поколения скорее бы могли потребовать как раз не участия в политике, а доступа к терапии: военные и послевоенные травмы оставались табу практически до выхода «У войны не женское лицо» (Алексиевич, 1985). Терапия, как инструмент разрешения личных проблем, доступна и эффективна лишь в определенных политических условиях и требование доступа к ней – это тоже может быть политическим требованием.

5.2.1 A Girl Inside, фрагмент

A Girl Inside – это автобиографические заметки, которые я пишу как гендерквир. Я начал(а) их писать в 2014 году и этот фрагмент был оформлен уже в рамках работы над данным эссе.

Надо добавить, что я попала в ту больницу в силу тех особенностей советской медицины, которые стали следствием политических решений. От кампании Лысенко, которая очень серьезно подкосила советскую биомедицинскую науку до исполь-

⁸я использую феминитивы

зования психиатрии в карательных целях. Решение положить трехлетнего мальчика обследоваться на две недели было принято не в вакууме, а как следствие и общего страха перед «ненормальностью», и отсутствия независимой психотерапии, и советской плановой экономики, и советской гендерной идеологии с работающими матерями, у которых можно отчуждать детей в любом возрасте.

5.2.2 Когда знание – сила

Изложение моего детского опыта, сугубо личного и интимного, тоже становится политическим актом в условиях, когда любые намеки на сексуальное просвещение открыто блокируются⁹. Когда в учебнике биологии для восьмого класса половые органы нарисованы только в разрезе, слов «клитор» и «мастурбация» нет, зато есть про гормоны желтого тела.

Даже сейчас, сидя в преддверии час в доме в Вильнюсе с годовой визой – у меня при прочтении той старой заметки сдавило в груди. Когда я был сначала ребенком, а потом подростком, мне катастрофически не хватало хотя бы самого элементарного. Хотя бы знания о том, что вообще-то мастурбация это нормально. Что про сексуальность можно говорить. Что про нее можно читать. На моей полке сейчас стоит книга Sex: A Book for Teens и я знаю, что дам прочесть своей дочери, когда придет время – я не знаю только того, что будет в головах у ее сверстников, растущих без знаний, но с убежденностью в порочности не только сексуальности, но и телесности в целом.

5.3 Ненависть к телу

Еще меня с детства клинит на вещах, связанных с моим ртом. Например, я не могу до сих пор чистить зубы – меня начинает тошнить сразу. В детстве меня дико бесило выражение «губы надуть» – иногда мне казалось, что это мерзкая часть тела, которая... в общем, иногда я думал, что лучше их потом как-нибудь отрезать. В возрасте семи лет у меня уже были такие мысли – я их прекрасно помню, и потом они многократно повторялись. Помню, как переклинило, когда жена во время одного скандала сказала «закрой свой поганый рот» – я и прямо сейчас подумал, что, пожалуй, мне лучше было раньше покончить с собой и не доводить до той безобразной сцены.

Идея о самоубийстве приходила мне многократно. Один раз, когда мои родители после развода встретились и устроили скандал, я выбежал в общий коридор нашего многоэтажного дома, разбежался и прыгнул в стеклянную дверь, отделявшую коридор от пожарной лестницы. Ногой я прошиб армированное стекло, осколком мне срезало лоскут плоти ниже колена и скандал на этом резко закончился; меня пришлось везти в травмпункт и накладывать швы. Я не помню, хотел ли я просто убежать подальше или прыгнуть вниз с балкона пожарной лестницы, я помню только что мне не было больно. Только страшно, да и то лишь в момент, когда врач в больнице посмотрел на выглядывающую в ране кость и сказал, что это кость.

⁹ «Астахов пообещал не допустить уроков полового воспитания в школах» – Интерфакс, 1 декабря 2014, <http://www.interfax.ru/russia/410340>

Тогда я понял, что мое тело пробито до самого основания и еще немного – и оно начнет дробиться на части.

Хотя потом идея разбиться на части, прыгнув с высоты, мне не казалась страшной. Даже когда на четвертом курсе из окна прыгнула моя сокурсница, с которой мы вместе ходили на занятия и видели друг друга каждый день. О ценности своего тела я вспоминал редко, в то время как смерть Р. вогнала в ступор – возвращаясь в тот день из университета, я не глядя шел через переход и даже не смотрел на гудящие мне автомобили. Мне было наплевать и на них, и на то, что будет со мной.

5.4 Секс-игрушки

Лесбийские дебаты о приемлемых формах сексуальности и о приемлемости проникающего секса велись уже тогда, когда я лежал в той больнице. И уже тогда Донна Харауэй написала про киборгов, так что до идеи дилдо как инструмента для передачи сексуального возбуждения, идея дилдо как секс-игрушки, уже была. Ко мне это пришло намного позже, после того, как я закончил институт, приобрел опыт BDSM-отношений, почитал тематические форумы и через них вышел на много более широкий пласт знаний о сексуальности и гендере.

Примерно в 2011 году я пришел к потрясшей меня идее о том, что секс-игрушка это средоточие всего противоположного враждебным мне политическим силам. Современные игрушки делают уже не как фаллоимитаторы (такого слова-то уже не употребляется в мало-мальски приличном магазине), а как предметы, созданные исключительно для удовольствия. Стекло-лянные вагинальные шарики из прочного стекла или стеклянные же дилды; разноцветные силиконовые штучки – я беру их в руки и понимаю, что кто-то долго и старательно придумывал вещь, сделанную для того, чтобы подарить другим людям немного счастья. Это предельная противоположность утилитарному или подчеркнуто-аскетичному. Это сделанное для плоти и наслаждения, даже если мы говорим о каком-нибудь массивном анальном крюке.

Опыт BDSM у меня был скорее положительный. Когда я был закован в цепи на одной вечеринке в 2005 году, мне это нравилось – потому что было уютно и я чувствовал, что стоящие вокруг люди воспринимают меня как полноценную личность. Я постою с цепями, потом их снимут, потом мы сядем разговаривать на общие темы – *я больше, чем моя сексуальность*.

Выделенная курсивом фраза: феминистский лозунг, написанный на асфальте тротуара у одного из московских деловых центров в 2011 году. Он позволил мне иначе посмотреть на себя и укрепил во мнении, что феминистские идеи полезны не только рожденным с женскими гениталиями.

6 Эксперимент

Я многократно заглядывал внутрь себя и спрашивал, что определяет мою сексуальность и мою личность. Я думал о том, что мне нравится и много думал о концепте отдачи, принятия и взятия, о сексе как обмене властью – и пришел к убеждению, что отчасти моя проблема вызвана не просто травматическим опытом. Моя проблема вызвана еще и тем, что вообще-то мне

нравится проникающий в меня секс. Меня иногда привлекает мысль о сексе с мужчиной. Мне нравится «отдаваться» – однако как раз эту часть моей сексуальности в прошлом взяли и смешали с грязью. Связали с насилием, унижением и беспомощностью. Я уже десять лет занимаюсь сексом, у меня есть разноплановый опыт, но это проклятие преследует меня по сей день.

За это я бы – следуя заветам Минг и Циммерман воспроизведу конструкцию дословно – взял бы и уебал. И за того трехлетнего мальчика, и за всех тех женщин, которые пережили насильственное проникновение. Но взять и уебать я не могу, хотя бы потому, что не знаю кто те люди и даже не уверен, что они до сих пор живы. Я могу только думать, писать, находить новые способы думать – и эти новые способы либо снимут мою боль, либо сделают мир вокруг немного лучше. В какой-то момент, когда я стал собирать интервью по своему проекту, посвященному strapon-сексу, я услышал что одна незнакомая мне до того момента женщина узнала о пеггинге через мой сайт, а потом рассказала подругам и те тоже попробовали; я могу трансформировать мой опыт и в полезное мне знание, и просто в знание, полезное кому-то еще.

Поэтому вечером 19 января я решил попробовать поменять старую схему. Я выключил свет, оставив только свечение от монитора на столе у кровати. Прошел в ванную и снял с верхней полки стеллажа две дилды. Вернулся в комнату и залез под одеяло, растянувшись под ним. А потом взял одну из дилд и начал ее сосать.

Я переписал правила. Правила гласили, что сосание члена мужчиной автоматически унижает его, однако я сначала определил(а) себя как гендерквир, потом заменил(а) член на игрушку, потом решил(а), что я сам определяю и смысл акта, и контекст, в котором он совершается. Десятки лет подростков и детей заставляли сосать чужие члены в качестве акта подчинения и унижения, но я делаю это в своем мире потому, что мне нравится. Потому что, черт подери, мы все начинали с этого, с сосания, с восприятия своего рта в качестве зоны удовольствия. Я глубоко захватил дилдо, повернулся на бок и лег так, как мне было удобнее; сама мысль о том, что я свободна делать это еще и в наиболее удобной позе дала мне осознание своей силы.

Моя кровать. Мое тело. Мои правила. Моя игрушка. Я держал ее во рту, потом перевернулся на живот, обхватил рукой вторую дилду и стал проваливаться в сон. Мне было тепло, уютно, хорошо и расслаблено; в определенный момент я вылез из кровати, подошла к компьютеру и выключил его - чтобы погрузиться в тишину, нарушаемую разве что редким шуршанием мышей, живущих в этом доме под полом и в стенах.

7 Переносимость

Феминистский дискурс по определению представлялся исключительно женским. Таковым его видел я сам, таковым его представляют в ряде радикально-феминистских сообществ, категорически отвергающих возможность самого существования даже не мужчин, а хотя бы просто не трансгендерных женщин в феминизме. Я SRY-квир, рожденный с тем куском Y-хромосомы, который отвечает за развитие мужской репродуктивной системы. Во мне почти два метра роста, последние полгода я ходил с бородой и усами, я

поднимаю больше и несую дальше в сравнении с женой – но чем дальше, тем больше я убеждаюсь в возможности переноса феминистского знания и за пределы женского пола.

Мое тело – мое дело.

Я больше, чем моя сексуальность.

Our Bodies, Ourselves.

Сама идея о том, что можно смотреть на свое тело как сексуальный объект, что можно временно передавать активность партнерам и получать удовольствие, идея о переосмыслении пенетрации – все это порождение женского дискурса. Тем не менее, все это верно и для тех, кто родился с яичками вместо яичников. Феминистские телесно-сексуальные линзы восприятия позволили мне пережить то, что даже не вписывалось в гетеронормативную схему.

В гетеронормативном мире я не могу сказать, что подвергся насилию. Или, хуже того, что мое подсознание сконструировало все симптомы пережитого насилия. Мне должно быть стыдно; стыд является тем орудием, которое должно вообще добить меня в том случае, если я не сломаюсь после госпитализации и насилия как такового. Мне должно быть стыдно, я должен ненавидеть всех «ненормальных», я не должна писать о себе в женском роде или называть себя Алексой; я много чего должен, но не получаю ни одного инструмента, который позволил бы выйти из замкнутого круга.

Мое естественнонаучное прошлое говорит, что я смогу делать выводы через годы, убедившись в стабильности эффекта, поэтому я буду осторожен с оценками личного эффекта.